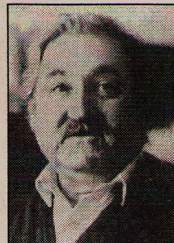

Герника Сапгира

ВЕЛИКИЙ поэт покинул нас.

Ушел мой любимый поэт.

Тугоухий врач, к которому обратился Генрих, послушал и равнодушно отмахнулся: «У вас все в порядке, живите активной жизнью». Увы, было все не в порядке.

Но он все равно бы продолжал жить полной жизнью: бражник, лианозовский эпикуреец, в мягком вязаном диванном пуловере, беспечный самосожженец – с профилем тапира и с деликатной улыбкой тигра.

Герника Сапгира в его языке. Слова разрубаются пополам, брачуются, разминаются, выжимаются на тренажерах, перетекают одно в другое. Слова – эхо, слова – иероглифы. В каждом номере поэтической газеты «ПО» его тексты – самые живые, всегда новые.

Их чувствуешь животом, кишки сводит.

Думаю, что таким бы был Заболотский, не сломай его психику годы лагерей. Поэту отбили душу, как печенку.

Счастливым, праздничным, игральный дар Сапгира оставался собой до последней минуты. Наши тугоухие снобы прощают словотворчество лишь в начальной поре. Они прикрепляли к поэтике Генриха ненавистные им ярлыки: «эксперимент авангардизма» и т.д. Они не заметили, как культура Филонова, Хлебникова, Генриетты Давыдовны и Сапгира давно уже стала классикой закончившегося века. Другой не будет.

Его собрание сочинений – как бы «Хроника времен Генриха Сапгира», вневозрастная, внезлободневная. Любовь к языку, чувственное служение родной речи и есть патриотизм поэта, а не показательные заклинания. Ведь национальная идея таится в языке, а где же еще?

Мировую известность ему принесла антология русской поэзии

«Поэты на перекрестках», выпущенная в Нью-Йорке Ольгой Андреевой с участием Роуз Стайрон. Там под рубрикой

«барачные поэты» были напечатаны Генрих и Холин – два великих лианозовца XX века, поистине народные поэты высокого гамбургского счета. Там впервые и на русском, и на английском явилась знаменитая строка:

*Я хочу иметь детей
от коробки скоростей.*

В отличие от блоковской формулы о квартале поэтов, Генрих был широк и доброжелателен к собратьям. Закомплексованная зависть наших коллег в нем напрочь отсутствовала. Могучий его том «Подпольной музыки XX века» – собрание русского андерграунда.

Год назад Генрих стал председателем Пастернаковского фонда. Мы много беседовали в Переделкине, чаевничали на пастернаковской терраске, бродили среди берез и кленов, окутанных христианскими стихами, записанными гениальным хозяином под псевдонимом Юрий Живаго.

Смерть – то же стихотворение.

Боже мой, ведь и умер он подобно Юрию Живаго. В общественном транспорте. Только задохнулся поэт не в московском трамвае эпохи разрухи, а в московском троллейбусе эпохи распада.

Отпевали его в приходе отца Ильи, того самого, что крестил их с женой Милой в парижском храме. Крестили его под именем Николая.

Упокой, Господи, душу раба Твоего Николая.

Ушел мой любимый поэт...

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

14-20 окт. - с. 10
всегда счастлив - 1999